

Леонид ГЕРВИЦ

Как рождаются этюды

Солнце выжигало Одессу уже вторую неделю кряду. Покрытые тяжелой августовской пылью поля и сады Люстдорфа застыли в ожидании хоть какой-нибудь влаги. Полу-денная тишина, лишь иногда нарушаемая перекличкой кузнечиков, плотно висела над прибрежными дачами.

Я сошел с пригородного трамвая и неспешно побрел к берегу, где меня ждали вкусный мамин обед, звук переключаемой посуды в маленькой кухне-пристройке, легкий бриз, слегка шевеливший ажурными побегми виноградной лозы, отдаленный шум прибоа далеко внизу, под обрывами.

Если идти по асфальту, кое-где покрывавшему предместье, дорога со станции казалась слишком долгой и нудной. Гораздо короче и веселее было идти через баштан соседнего совхоза, огромный и густо засеянный. От станции его отделяла жидкая лесополоса, где и начиналась тропка, бежавшая невидимо среди арбузных зарослей по полю наискосок и кончавшаяся уже вдаль, у наших дач.

Где-то посреди этого зеленого пространства был хорошо виден низкий шалаш, наспех крытый соломой и большими листьями придорожных лопухов, кое-где прижатых толем. Возле этого шалаша я часто видел сторожа, маленького человека в большой и выцветшей форменной фуражке. Он то сидел на полусломанном ящике, то стоял, слегка возвышаясь над кудрявой зеленью баштана.

В своих не по размеру фуражке и таком же кителе он несколько смахивал на огородное пугало. Роль пугала, собственно, и была ему предназначена, только не против птиц, а против людей — любителей полакомиться задарма сладкими одесскими арбузами.

Много раз я проходил мимо по тропинке среди ползущей по земле арбузной зелени с желтыми цветками и то видел сторожа, то нет, если он сидел в тени своего нехитрого и шаткого сооружения.

Однажды я решился, отложив все дела, подойти к шалашу. Сторож был на месте и, сидя наполовину в шалаше, дымил сигареткой. Как положено, рядом валялся размякший на жаре пес, который только повел ухом да приоткрыл один глаз при моем приближении. Я присел на ящик. Мы разговорились. Старый служака говорил не быстро, посасывая сигаретку.

Голос его сипловато звучал на фоне оркестра ошалелых от зноя кузнечиков.

Я услышал историю жизни старого николаевского солдата, а ныне совхозного сторожа. Глядя в сторону моря, он говорил: "А вот, помню тоже, приехал в Россию президент Франции Пуанкаре, и было это akurat перед первой войной в 1914 году. Идут они с царем по плацу, а было это, как сейчас помню, в Петергофе, и мой полк в почетном карауле стоял, а я — как самый короткий — в самом конце. Дошли они до меня, и Пуанкаре что-то

сказал Николаю. Царь ко мне и спрашивает: "Кто таков?" Тут мой собеседник выступил вперед перед шалашом, встал во фронт, приложил свою коричневую в ссадинах руку к запертому козырьку и с пафосом отдекламировал: "Десятого Гусарского Ингерманландского его Королевского Высочества Великого герцога Саксен-Веймарского полка рядовой Мезенцев".

Ответ этот и все действие повергли меня в веселое недоумение. "Вот тебе и сторож", — подумал я, все более заражаясь этой историей. Похоже было, что старый служака не врал.

Я сидел на ящике верхом, что несколько возвышало меня над коротышкой гусаром, тихо и неспешно поведавшим мне всю историю. "Пуанкаре опять что-то говорит царю. Николай меня снова спрашивает: "А что, — говорит, — отдашь ты жизнь за своего царя?" "Отдам, — отвечаю, — Ваше Императорское Величество, как есть, отдам". Француз, услышав это, что-то сказал с улыбкой, видать, ответ мой понравился. А царь и говорит адъютанту: "Дать рядовому Мезенцеву три золотых за хорошую службу". Тут меня как черт попутал, что-то в голове щелкнуло, и говорю: "Ваше Императорское Величество, мне бы лучше домой съездить. Мать отписала — крыша совсем прохудилась, починить бы надо". Сказал — и замер, и сам не знаю, как дух перевести, только глазами хлопаю. Тогда

Николай поворачивается к полковому нашему командиру полковнику Богородскому и приказывает: домой на 3 дня меня отпустить и 10 золотых мне дать на дорогу и починку дома. Так и случилось, мил человек", — завершил свою речь сторож и занялся другой половиной сигаретки.

Заслушавшись этим рассказом и не зная, верить ему или нет, я еще сидел какое-то время на баштане, пока голод не согнал меня с ящика, и, простившись с дедом, я пошел домой. Уже на краю баштана я оглянулся назад: гусар Мезенцев, собеседник русского царя и президента Франции, стоял в уже низких лучах горячего черноморского солнца и молча глядел куда-то на закат, прикрыв глаза рукой, точь-в-точь как на суриковской картине "Огородник".

Близился конец лета, заканчивались мои каникулы, и вскоре я уехал назад в Ленинград, в Академию художеств.

С тех моих студенческих пор прошло 45 лет. Но забавный образ коренастого и находчивого русского солдата то и дело всплывал в моей памяти.

Когда же пришла эра Интернета, мне захотелось проверить подлинность, с какой мне запомнилась эта занятая история.

Можете это сделать и вы, дорогой читатель, и так же, как и я, убедиться в ее полной достоверности.

Напоследок хочу заметить, что, может быть, эта встреча на петергофском плацу помогла в то время сомневающейся Франции заключить военный союз с Россией.

Ну а о том, что потом уже случится, ни президент Пуанкаре, ни Николай II, ни гусар Мезенцев в то время знать не могли.

А знал только один всемогущий Бог. Правда, теперь знаем и мы с вами.

Анатолий ГОРБАТЮК

"Золотая труба Одессы"

К 75-ЛЕТИЮ АРКАДИЯ АСТАФЬЕВА

Этот одаренный музыкант, безусловно, входил в когорту лидеров одесского джаза второй половины ушедшего столетия. Не получив должного музыкального образования, благодаря врожденным способностям и прослушиванию концертов своих кумиров: Л. Армстронга, Д. Гиллеспи, М. Девиса и других корифеев, — Астафьев в короткое время становится блестящим трубачом-импровизатором и получает приглашения в самые престижные оркестры бывшей огромной страны. И сегодня при упоминании имени Астафьева сам Анатолий Кролл многозначительно поднимает указательный палец: "Да, большой музыкант!"

Впрочем, уезжать из Одессы Аркадий не особенно стремился, разве что в поисках быстрого (не путать с легким) заработка рвануть на несколько месяцев с концертной бригадой по солнечной Сибири, Дальнему Вос-

току, Средней Азии... За несколько таких поездок музыканты рачительные (попадались и такие) покупали желанные "Жигули" или приобретали кооперативную квартиру. Аркадий же — широкая бесшабашная натура — накрывал один за другим длинные столы в лучших ресторанах Одессы. Близкие и не очень близкие друзья недоуменно переглядывались ("Вот, мол, шальной!"), но в застолие участвовали с искренним удовольствием. Через какое-то время деньги заканчивались, и Астафьев отправлялся в очередную поездку...

Но не думайте, что, находясь в Одессе, наш герой только и занимался кутежами. Боже упаси! Астафьев, в силу непререкаемого авторитета среди музыкантов, играл в лучших, престижнейших ресторанах Города: на морвокзале, в "Красном", "Лондонской", "Киеве", "Море"... При этом оркестранты лю-

бого из коллективов принимали Аркадия с распростертыми объятиями не только, так сказать, из любви к джазу. Все они хорошо знали: туда, где звучит труба (или корнет) Астафьева, обязательно придут покутить люди, представляющие одесский деловой мир, те, кого обычно называли "жирный клиент". Рассказывая о популярности нашего трубача, забегу чуть вперед, чтобы рассказать о посещении им Соединенных Штатов Америки, куда Астафьев прибыл, воспользовавшись приглашением друзей, в 1998 году. Так вот, находясь сначала в Нью-Йорке, а потом в Лос-Анджелесе, он с огромным успехом играл в так называемых "русских" ресторанах, демонстрируя слегка обалдевшую нашим эмигрантам, покинувшим Одессу в далеких 1970-х, неувядающее отточенное мастерство трубача-солиста. Прием был, прямо скажем, потрясающий!

Обладая абсолютным слухом, этот, прямо скажем, выдающийся трубач без всяких репетиций вливался в любой состав, на ходу подхватывая самую сложную в техническом отношении мелодию. Помню, как однажды в филармоническом биг-бенде под управлением светлой памяти Евгения Болотинского (Астафьев, конечно же, был солистом и в этом коллективе) приглашенные Евгением Наумовичем звезды первой величины ленинградского джаза не могли сдержать возмущения, хорошо замешанного на элементарной человеческой зависти: "Занимаешься по десять часов в день, а этот приходит за полчаса до концерта, даже не раздувается, а играет, как Бог!"... Впрочем, никто и никогда не мог упрекнуть Аркадия Леонидовича в безответственном, поверхностном отношении к исполняемым им произведениям. Будь то известная, много раз сыгранная джазовая пьеса или сложный "Духовный концерт" великого Дюка Эллингтона, с огромным успехом исполненный молодежным биг-бэндом Николая Голощапова, в котором Астафьев выступил в качестве солиста, — неизменно продуманное соло в "железных" рамках гармонии, точно выверенная нюансировка, а в подарок — долгие аплодисменты все понимающей одесской публики.

Много лет тому назад впечатлительные одесситы называли Аркадия Астафьева "Золотой трубой Одессы", и здесь не усматривалось никакого преувеличения, ибо то, что выделял на своем инструменте этот музыкант, неизменно приводило в восторг самую взыскательную публику.

Астафьева, безусловно, следует причислить к истинным самородкам, которые периодически рождаются на славной одесской почве. Свои первые шаги в музыке он делал в духовном оркестре мореходного училища под руководством известного дирижера-ду-

ховика" Януса. Вспоминает Аркадий этого незаурядного дирижера всегда с благодарностью и легкой иронией. Дело в том, что у маэстро Аркадий не только учился игре на трубе, но и впервые, будучи не очень, мягко говоря, организованным подростком, познакомился с граненым стаканом водки...

Как я уже сказал, в силу различных обстоятельств Аркадий не получил должного музыкального образования, все постигал сам, жадно принимая ухом к старенькому приемнику, доносившему сквозь треск и вой гэбвских "глушилок" чарующие звуки настоящего американского джаза; не пропускал ни один джем-сешн с гитаристами, бывшими в Одессе музыкантами — исполнителями полуприветливой в те времена джазовой музыки.

Аркадий вырос без отца. Но какая же у него была мама! Эта обаятельная женщина, страдавшая близорукостью, но никогда не сидевшая без дела, прибегая с удивлением к сразу бросалась к плите, чтобы сотворить для любимого сыночка и оравы его всегда голодных многочисленных друзей нечто необыкновенно вкусное. Ах, эта таявшая во рту фаршированная рыба, эти листья салата в кислом соусе, эта икра из "синеньких", эти блинчики из кабачков и еще много, много чисто одесских изысков!.. И все это делалось, что называется, от чистого сердца, с доброй улыбкой. Такой же была и старшая сестра Жанна, нежно любящая брата. Мамы, Марии Самойловны, давно нет, она ушла в далеком 1980-м, Жанна с семьей живет в Лос-Анджелесе, через океан пытается (заметим в скобках: без всякого видимого успеха) повлиять на рацион брата...

Рассказывая об этом одесском Армстронге, следует вспомнить его удивительно чувство юмора — постоянного спутника жизни нашего неутомимого балагура и шутика. Его шутки и сегодня звучат в среде одесских (и не только одесских) музыкантов совсем другого поколения.

Когда накатили лихие 90-е и для одесских музыкантов наступили тяжелые времена, Город, его преуспевающие предприниматели оказались неспособными поддержать тех, кто долгие годы улажал их слух добротной музыкой. К сожалению, навсегда ушли благодатные времена, когда в Одессе слова "предприниматель" и "меценат" стояли обязательно рядом. Сегодняшние нувориши этой "слабостью" не страдают. Многие великолепные одесские музыканты вынуждены были эмигрировать. Так оказался в Гамбурге и герой нашего очерка.

Сегодня этот талантливый музыкант уже не радуется слушателей чарующими звуками своей трубы: здоровье не то, да и 75 — это тоже знаете...

Каждый год Аркадий Астафьев приезжает на свидание с любимым Городом, по которому безумно скучает и жизнью которого, как и прежде, живо интересуется. А разве может быть как-то иначе, если речь идет о настоящем одессите?

Долгих лет тебе жизни, "Золотая труба Одессы", и прими напоследок мой дружеский совет: не держи обиды на Город, в неповторимой ауре которого ты состоялся, но который не смог воздать тебе должное и поддержать тебя, когда ты в этом очень нуждался. Поверь мне, Город наш ни в чем не виноват...

